
IV. РУКОВОДИТЕЛИ ПОСЛЕДНИХ СЛЕДСТВЕННЫХ КАНЦЕЛЯРИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

«ЕХАТЬ ТЕБЕ В АСТРАХАНЬ И ТАМ... О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ... РОЗЫСКАТЬ ПОДЛИННО»: Б. Г. СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ

Имя Богдана Григорьевича Скорнякова-Писарева можно с уверенностью счесть на сегодня преданным глубокому забвению. Между тем в истории органов следствия России он является неоспоримо заметной фигурой. Судьба Богдана Григорьевича примечательна, можно даже сказать уникальна, ведь на протяжении всего четырех лет ему довелось сначала успешно расследовать одно из наиболее резонансных уголовных дел петровского времени о преступлениях против интересов службы, а затем оказаться фигурантом не менее резонансного сходного дела.

Богдан Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но захудалой фамилии каширских дворян, родоначальником которой считался польский шляхтич Семен Писарь. Согласно выписке из родословной росписи Скорняковых-Писаревых, составленной в 1686 году, означенный Семен Писарь выехал на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу, от которого в 1441 году был пожалован имением в Коломенском уезде⁷⁹³.

Согласно опубликованному архивному документу, в марте 1735 года Богдан Скорняков-Писарев показал себе 56 лет⁷⁹⁴, так что временем его рождения следует считать 1679-й или же 1678 год. Богдан Григорьевич приходился младшим братом Г. Г. Скорнякову-Писареву, первому обер-прокурору России и одному из руководителей Тайной канцелярии Петра I, о котором еще будет повествовано на страницах этой книги. Помимо брата Григория, Б. Г. Скорняков-Писарев имел еще некоего «сродника» Григория Григорьевича Писарева, о котором известно, что в 1723 году он служил подполковником в гарнизоне

Глухова^{795*}. Степень родства Григория и Богдана Скорняковых-Писаревых с подполковником Г. Г. Писаревым установить к настоящему времени не удалось.

В отличие от старшего брата Богдан Григорьевич ни дня не пробыл на придворных должностях, а сразу начал военную карьеру. Как указал в позднейшей челобитной сам Б. Г. Скорняков-Писарев, в службу он вступил в 1700 году рядовым в гвардии Преображенский полк⁷⁹⁶.

С полком Богдан Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны, злополучного Прутского похода. Каких-либо подробностей о тогдашней служебно-боевой деятельности Б. Г. Скорнякова-Писарева выявить к настоящему времени не удалось. Однако, судя по его уверенному продвижению по строевой лестнице, воевал Богдан Григорьевич достойно.

Согласно документам полкового архива, уже в 1702 году сержант Богдан Скорняков-Писарев был произведен в прапорщики, в декабре 1706-го — в подпоручики (с переводом из 1-й роты в 14-ю)⁷⁹⁷. 5 августа 1711 года, сразу после выхода группировки российских войск из «прутского котла», Богдан Григорьевич получил чин капитан-поручика в 11-й роте, а 6 ноября 1715 года — капитана, став командиром 14-й роты⁷⁹⁸.

11 ноября 1717 года по уже не раз упоминавшемуся распоряжению главы государства в числе восьми офицеров-преображенцев гвардии капитан Б. Г. Скорняков-Писарев был вызван из Новгорода, где полк готовился расположиться на зимние квартиры, в Санкт-Петербург⁷⁹⁹. Отныне Богдану Григорьевичу предстояло совмещать строевые обязанности со следственными.

Для начала Богдан Скорняков-Писарев был, по всей вероятности, включен в состав военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой следственной канцелярии России гвардии майора князя М. И. Волконского.

Процесс над М. И. Волконским еще не завершился, когда Петр I определил Богдана Григорьевича в качестве ассессора в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий⁸⁰⁰. Презусом канцелярии предполагался батальонный командир Преображенского полка майор князь Г. Д. Юсупов, ассессорами, помимо Богдана Скорнякова-Писарева, —

* Ныне административный центр одноименного района Сумской области Украины.

командир 2-й роты того же полка капитан С. Б. Федоров и поручик 9-й роты И. И. Бибилов. Формальное основание следственной канцелярии Григория Юсупова (и еще шести «майорских» канцелярий) состоялось 9 декабря 1717 года, в самый день расстрела князя М. И. Волконского.

В тот же день, как уже говорилось, Григорий Юсупов получил на руки подписанный Петром I типовой наказ, адресованный «господину маёору князю Юсупову, капитанам Федорову и Богдану Писареву и поручику Бибилову». В качестве приложения к наказу перечислялись три уголовных дела, передававшиеся в ее производство⁸⁰¹ (прежде обозначенные государем как «бахмуцкое»). Основным фигурантом «бахмуцкого дела» стал комендант города Бахмута князь Д. А. Кольцов-Масальский, обвиненный в казнокрадстве и злоупотреблениях должностными полномочиями.

Десять дней спустя, 19 декабря, Г. Д. Юсупов затребовал у Правительствующего сената для своей канцелярии дьяка и подьячих, мебель, канцелярские принадлежности, а также кандалы для подсудимых, которых предстояло взять под стражу («для колодников железа»)⁸⁰².

Сведений о конкретных следственных действиях, которые предпринял Богдан Скорняков-Писарев в качестве асессора канцелярии князя Юсупова, выявить к настоящему времени не удалось. Тем более что пребывание Богдана Григорьевича в следователях канцелярии Юсупова не затянулось.

5 января 1719 года Петр I подписал указ, согласно которому гвардии капитану Б. Г. Скорнякову-Писареву надлежало отправиться в Астрахань, где самостоятельно произвести следствие о должностных злоупотреблениях группы офицеров местного гарнизона во главе с обер-комендантом гвардии поручиком М. И. Чириковым⁸⁰³, информация о которых поступила к царю от «доносителя» Михаила Смирнова. В первых строках указа грозно предписывалось: «Ехать тебе в Астрахань и там против данных тебе доношений о преступлениях астраханскаго коменданта Михаила Чирикова и полковников... также о худых поступках поручиков... розыскать подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого...»

Богдану Григорьевичу надлежало отстранить обер-коменданта от должности, арестовать его, провести необходимые следственные действия, а затем, в случае подтверждения обвинений, этапировать подсудимых и свидетелей в Санкт-Петербург. Иными словами, Богдан Скорняков-Писарев возглавил особую следственную канцелярию⁸⁰⁴.

Прибыв в Астрахань 12 марта 1719 года, гвардии капитан в короткий срок сумел прояснить картину криминальных деяний местных военных администраторов. Масштаб развернутых Богданом Григорьевичем следственных действий был таков, что одних только свидетелей он допросил около ста человек⁸⁰⁵.

Уже в доношении от 29 апреля Богдан Григорьевич информировал царя о шести пунктах обвинений во взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями, в которых изобличался обер-комендант Михаил Чириков⁸⁰⁶. Одних только взяток обер-комендант набрал на внушительную сумму в 2135 рублей.

Наряду с этим, как было установлено следствием, Чириков организовал контрабандную торговлю порохом, свинцом и охотничьими птицами, незаконно зачислил в астраханский гарнизон 138 стрелецких детей, беглых крестьян и дезертиров, занимался фальшивыми подрядами, да еще и расхищал рыбу из государственных запасов.

В частности, Богдан Скорняков-Писарев сумел уличить М. И. Чирикова в получении в 1713 году крупной взятки в 200 рублей от коменданта города Черного Яра* Михаила Бакунина. Взятка была вручена обер-коменданту при посредничестве некоего Якова Епанчина за освобождение М. Бакунина от ответственности за хищение провианта. Ознакомившись с добытыми следствием доказательствами, Михаил Чириков дал по отмеченному эпизоду признательные показания⁸⁰⁷.

Что касается иных подозреваемых по «астраханскому делу», то они оказались повинны лишь в грубом нарушении воинской дисциплины и в ненадлежащем бытовом поведении. Так, поручик флота Иван Кожин был уличен в принятии мер по предотвращению массовой драки, которые его подчиненные устроили с гарнизонными солдатами, а также в «блудном» сожительстве с женой полкового лекаря**. Кроме того, на Святки поручик ездил славить «в дома астраханских обывателей на верблюдах и на свиньях»⁸⁰⁸.

* Ныне село Черный Яр, административный центр одноименного района Астраханской области.

** Романическая история Ивана Кожина доставила Б. Г. Скорнякову-Писареву немало хлопот. Дело в том, что после ареста поручика его возлюбленная двинулась за ним в Санкт-Петербург. В свою очередь, муж ветреной дамы взялся осаждать Богдана Григорьевича просьбами содействовать ее возвращению «ему в жену по прежнему».

4 августа 1719 года, захватив с собой 50 (!) человек обвиняемых и свидетелей, Б. Г. Скорняков-Писарев покинул Астрахань и двинулся в Санкт-Петербург⁸⁰⁹. Каким образом расследование продолжилось в столице, какие именно следственные действия еще предпринял Богдан Скорняков-Писарев, установить к настоящему времени не удалось. Что бы там ни было, но в 1720 году М. И. Чириков, сохранявший де-юре статус военнослужащего, был отослан в Военную коллегия для предания военному суду⁸¹⁰.

Далее в производстве по уголовному делу коррумпированного обер-коменданта начались очевидные странности. Суд для разбирательства дела Михаила Чирикова был созван по указанию Петра Великого лишь в 1722 году — в период его пребывания в Астрахани во время Персидского похода. Председателем суда был определен сопровождавший императора в походе тайный советник и гвардии капитан П. А. Толстой⁸¹¹, о котором еще пойдет речь, имевший значительный опыт судебной-следственной деятельности.

Однако когда приговор суда, содержание которого до сих пор неизвестно, был направлен на утверждение Петру I, возникла неожиданная заминка. Проявив отроду не свойственную ему юридическую щепетильность, первый российский император неожиданно предписал выяснить, имел ли бывший обер-комендант возможность ознакомиться с Артикулом воинским 1715 года — военно-уголовным кодексом, на основании которого квалифицировались его преступные деяния.

Поскольку, как было установлено путем опроса подъячих комендантской канцелярии и офицеров гарнизона, ни одного экземпляра Артикула воинского в Астрахань в период службы там М. И. Чирикова не поступало, Петр I не стал утверждать приговор, указав подготовить его новый вариант⁸¹². Несмотря на то что новый вариант приговора был подготовлен и о нем неоднократно докладывалось императору, тот почему-то так и не нашел времени его рассмотреть⁸¹³.

Вместе с тем, как явствует из архивного документа, в неустановленный момент (и неясно, по чьему решению) у Михаила Чирикова было конфисковано имущество⁸¹⁴. Кроме того, начиная с 1719 года он содержался под стражей (в Астрахани, Санкт-Петербурге, затем вновь в Астрахани). Наконец, поданная женой бывшего обер-коменданта Мар-

фой Петровной в апреле 1724 года челобитная о помиловании мужа осталась без удовлетворения⁸¹⁵.

В конце концов после кончины Петра I так и не осужденный Михаил Чириков согласно сенатскому указу от 2 февраля 1725 года⁸¹⁶ был освобожден из-под стражи, а полтора месяца спустя, 17 марта, Сенат, откликнувшись на новую челобитную супруги М. И. Чирикова, предписал вернуть ему «движимые и недвижимые имении, которые остались за роздачею»⁸¹⁷.

Подобные зигзаги в уголовном преследовании бывшего обер-коменданта выглядели бы таинственными, если не принять во внимание тот факт, что назначение в Астрахань он получил благодаря хлопотам одного очень влиятельного лица, каковым являлся «птенец гнезда Петрова» генерал-адмирал Ф. М. Апраксин⁸¹⁸. Если же еще учесть завещание, которое генерал-адмирал составил в октябре 1728 года и в котором одним из трех душеприказчиков назначил «благодетеля моего (!) Михаила Ильича Чирикова»⁸¹⁹, то картина с развалом уголовного дела прояснится окончательно. Нельзя также исключить, что в истории с неутверждением приговора М. И. Чирикову оказался замешан и не менее могущественный Петр Толстой. Известно, что Петр Андреевич и Михаил Ильич вместе служили в Семеновской потешной роте, откуда в 1695 году поступили рядовыми в гвардии Семеновский полк⁸²⁰.

Что же касается Б. Г. Скорнякова-Писарева, то после завершения следствия по «астраханскому делу» его ожидало повышение по службе. По именному указу от 16 октября 1720 года он был произведен в «полевые» полковники и назначен комендантом крепостей Полтавы и Переволочны⁸²¹. Вскоре он был переведен комендантом в Глухов — резиденцию украинского гетмана. Однако пребывание в «Малой России» принесло Богдану Скорнякову-Писареву серьезные неприятности.

Началось с того, что согласно сенатскому указу от 31 марта 1721 года⁸²² полковник Б. Г. Скорняков-Писарев был командирован для проверки качества межевания земель близ местечка Почеп*, еще в 1709 году пожалованного «полудержавному властелину» А. Д. Меншикову. Необходимость проверки была вызвана тем, что межевавший эти земли в 1718—1719 годы дьяк Поместного приказа

* Ныне административный центр одноименного района Брянской области.

И. Р. Лосев в угоду Александру Меншикову присоединил к его владениям часть земель, истари принадлежавших украинским казакам⁸²³.

После жалоб гетмана И. И. Скоропадского Петр I распорядился организовать проверку межевых работ Ивана Лосева.

Предпринятая Богданом Скорняковым-Писаревым проверка не выявила между тем каких-либо нарушений. После повторных жалоб Ивана Скоропадского в январе 1722 года была назначена повторная проверка, для проведения которой в июле в Почеп был командирован подполковник С. И. Давыдов⁸²⁴.

Однако новый поворот в деле был связан отнюдь не с результатом миссии Семена Давыдова, а с конфликтом, разыгравшимся в октябре — декабре между сенатором бароном П. П. Шафировым и обер-прокурором Сената Г. Г. Скорняковым-Писаревым. В письмах, направленных к находившемуся в Персидском походе Петру I, Петр Шафиров обвинил Григория Скорнякова-Писарева между иного в потворстве А. Д. Меншикову в «почепском деле».

В существо взаимных обвинений сенатора и обер-прокурора император начал вникать 11 января 1723 года, когда состоялось первое заседание специального судебного присутствия, учрежденного для разбирательства дела Петра Шафирова и Григория Скорнякова-Писарева⁸²⁵ (это присутствие было вскоре преобразовано в постоянно функционирующий Вышний суд). В тот же день Петр I распорядился возбудить уголовные дела «О неправом межеванье Почепа, которое чинил дьяк Лосев» и «О полковнике Богдане Писареве, которой посылан был для межеванья Почепа»⁸²⁶.

16 января первый российский император собственноручно написал распоряжения, в которых предписывалось арестовать Богдана Скорнякова-Писарева и Ивана Лосева и этапировать их в Москву⁸²⁷. События развивались стремительно. Уже 10 февраля всерьез испугавшийся ответственности Александр Меншиков принес повинную с признанием махинаций «по делу о почепском межевании»⁸²⁸.

Сколько времени Б. Г. Скорняков-Писарев провел тогда под арестом и когда именно в Вышнем суде было вынесено решение по его делу, установить на сегодня не удалось. По крайней мере в делопроизводстве суда была отмечена челобитная Богдана Григорьевича, поданная 21 сентября 1723 года, «о свободе ево из-под караула на поруки»⁸²⁹.

В том же сентябре с просьбой о содействии в освобождении из-под стражи младшего брата к Александру Меншикову «со слезами» обратился Г. Г. Скорняков-Писарев⁸³⁰.

Насколько возможно понять, в конечном итоге Вышний суд счел, что Б. Г. Скорняков-Писарев допустил лишь халатность, и принял решение освободить его от ответственности. По всей очевидности, решающими для суда явились данные под пыткой показания И. Р. Лосева о том, что он не обращался к Богдану Скорнякову-Писареву ни с какими просьбами проигнорировать нарушения, допущенные при межевании⁸³¹. Показательно также, что в приговоре, вынесенном Вышним судом 13 февраля 1723 года Григорию Скорнякову-Писареву, ни словом не упоминалось о каком-либо его содействии А. Д. Меншикову в связи с историей о межевании почепских земель⁸³².

Наиболее пострадавшим в ходе «почепского дела» оказался дьяк И. Р. Лосев. За «учинение воровской межи» и составление «воровских межевых книг» Вышний суд в январе 1724 года приговорил «попавшего под раздачу» Ивана Родионовича Лосева к вырезанию ноздрей, наказанию кнутом, конфискации имущества и пожизненной ссылке на каторгу. Приговор был приведен в исполнение 24 января⁸³³ на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Окончательно страсти «по Почепу» улеглись после ухода из жизни первого российского императора. Ставший фактически вторым лицом в империи, А. Д. Меншиков добился издания в декабре 1725 года особого именного указа о своей полной реабилитации по всем возбуждавшимся против него уголовным делам⁸³⁴.

Бывшего дьяка Ивана Лосева освободили с каторги особым сенатским указом от 2 июня 1725 года, но с запретом проживать в Москве и Санкт-Петербурге* и состоять на государственной службе («у дел ему нигде ни у каких не быть»)⁸³⁵. Что же до Богдана Скорнякова-Писарева, то его вернули на прежнюю должность коменданта Глухова.

В «Малой России» Б. Г. Скорняков-Писарев прослужил до октября 1731 года⁸³⁶. Пробыв затем несколько лет «не у дел», Богдан Григорьевич в 1735 году был уволен в отставку с военной службы с награждением чином бригадира**.

* Эта мера была, несомненно, связана с понесенным И. Р. Лосевым наказанием в виде вырезания ноздрей.

** Как уже упоминалось, упраздненный в конце XVIII века чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

К этому времени Богдан Скорняков-Писарев являлся вполне состоятельным помещиком, владельцем четырехсот душ крестьян в Каширском, Лебедянском, Елецком, Владимирском и Рыльском уездах⁸³⁷.

Впрочем, в том же году Богдану Григорьевичу нашлось место и на государственной гражданской службе. Сенатским указом от 18 марта 1735 года он был определен на должность воеводы Елецкой провинции. В этой должности Б. Г. Скорняков-Писарев и скончался 8 июня 1737 года⁸³⁸. Место его погребения неизвестно.

«ПОМЯНУТОГО УМЕРШЕГО ДЬЯКА... ТЕЛО ЕГО ПОВЕСИТЬ»: И. И. БУТУРЛИН

1725 года марта 10 дня в Санкт-Петербурге состоялись одновременные похороны Отца Отечества императора все-российского Петра Великого, скончавшегося 28 января, и его младшей дочери, цесаревны Натальи Петровны, безвременно усопшей 4 марта в возрасте шести с половиной лет. Согласно описанию многолюдной траурной церемонии, непосредственно перед гробом императора шествовал «генерал и лейб-гвардии подполковник Бутурлин», державший в руках корону Российской империи⁸³⁹. Кто же такой был «лейб-гвардии подполковник Бутурлин»? И отчего именно ему оказалась доверена честь нести императорскую корону?

Иван Иванович Бутурлин был выходцем из старинной и знатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался некий Ратша, «государич» из Трансильвании*, выехавший в XIII веке на службу к великому князю Александру Ярославичу⁸⁴⁰. С течением времени род Бутурлиных чрезвычайно разветвился: достаточно сказать, что в XVII веке только в составе «царедворцев» (верхушки тогдашнего дворянства) числились 67 представителей фамилии⁸⁴¹. Учитывая же, что среди Бутурлиных, живших во второй половине XVII века, имя «Иван» носили 13 (!) человек⁸⁴², достоверно определить, кто именно из них являлся отцом будущего гвардии подполковника, на сегодня не представляется возможным.

* Историческое наименование области, расположенной на северо-западе современной Румынии.

Родился И. И. Бутурлин 24 июня 1661 года. Каких-либо сведений о первых тридцати годах его жизни выявить к настоящему времени не удалось. Вопреки расхожим утверждениям будущий гвардии полковник, судя по всему, не попал в число «царедворцев»⁸⁴³.

Неизвестно и время начала военной службы И. И. Бутурлина. Насколько возможно понять, Иван Иванович оказался в первом составе гвардии Преображенского полка, однако документальных указаний на точную дату его зачисления в полк отыскать пока не удалось. По крайней мере, достоверно известно, что осенью 1694 года он принял участие в Кожуховском походе⁸⁴⁴. Неясными поныне остались и обстоятельства производства Ивана Ивановича в начальные офицерские чины. С одной стороны, в списке участников Кожуховского похода Иван Бутурлин отмечен уже как майор Преображенского полка⁸⁴⁵, с другой — в материалах полкового архива зафиксировано, что старшим офицером он стал лишь в 1697 году⁸⁴⁶. В отличие от большой группы своих сослуживцев по гвардии И. И. Бутурлин не совершал в 1697—1698 годах никаких образовательных поездок по Западной Европе, а также не сопровождал Петра I в первом зарубежном путешествии⁸⁴⁷.

Впрочем, в отличие от некоторых других старших офицеров гвардии петровского времени Иван Бутурлин свободно владел пером. Сохранившиеся его многочисленные росписи исполнены связным, четким письмом, не лишенным даже некоторой декоративности. В начертании ряда букв Иван Иванович отчетливо воспроизводит графику XVII века.

Как бы то ни было, Великую Северную войну И. И. Бутурлин встретил уже генерал-майором. Более того, он стал одним из руководителей первой значительной операции российской армии — осады шведской крепости Нарва. Согласно официальной «Гистории Свейской войны» 23 сентября 1700 года царь прибыл к крепости в сопровождении И. И. Бутурлина, командовавшего внушительной группировкой из двух гвардейских и четырех полевых полков⁸⁴⁸.

Пребывание под Нарвой завершилось для И. И. Бутурлина, однако, не лучшим образом. 19 ноября шведский отряд во главе с королем Карлом XII, скрытно десантировавшись на южном берегу Финского залива, стремительной атакой разгромил осадные позиции российских войск. Несмотря на то что полкам гвардии удалось отступить в орга-

низованном порядке, Иван Бутурлин и еще пять генералов попали в плен.

На чужбине Иван Иванович провел почти десять долгих лет. Шведская сторона поначалу отнеслась к сановным нарвским пленникам вполне благосклонно. Им было позволено снять в Стокгольме частные дома и свободно перемещаться по городу. Достаточно сказать, что стокгольмские амурные похождения генерал-майора князя И. Ю. Трубецкого имели последствием рождение в феврале 1704 года внебрачного сына — будущего знаменитого просветителя И. И. Бецкого⁸⁴⁹, дослужившегося до чина действительного тайного советника и скончавшегося в возрасте 91 года*.

Исключение в режиме содержания было сделано единственно для И. И. Бутурлина. Будучи доставлен в шведскую столицу в мае 1701 года, Иван Иванович оказался водворен в сырое полуподвальное помещение с зарешеченными окнами, где находился в полном одиночестве.

Столь суровое обращение шведов с Иваном Бутурлиным было не случайным. Дело в том, что под Нарвой И. И. Бутурлин лично пытал раненого двадцатилетнего прапорщика Хенрика Барона⁸⁵⁰ (Henrik Johan Barohn), плененного в сентябре 1700 года⁸⁵¹, добиваясь от него сведений о гарнизоне крепости. Поскольку уже в ноябре Х. Барон был освобожден, история стала известна шведскому командованию. Хорошо еще, что шведская сторона, учтя высокий статус Ивана Ивановича, не поступила с ним аналогичным образом. Тем более что у генерала было что испытывать.

Известно, что 2 мая 1703 года Иван Иванович, переведенный к тому времени на более свободный режим, а также генералы А. А. Вейде, А. М. Головин и любвеобильный И. Ю. Трубецкой предприняли дерзкую попытку побега. Воспользовавшись тем, что почти вся охрана отправилась в церковь, генералы проломили часть стены на первом этаже, выбрались на улицу, сели в заранее нанятую карету и попытались скрыться из города. Однако исчезновение пленников быстро обнаружили и объявили за их поимку огромное вознаграждение — четыре тысячи золотых ефимков. Беглецы были в тот же день схвачены в трех милях от Стокгольма, закованы в кандалы и доставлены к бургомистру⁸⁵².

* Впрочем, и князь Иван Трубецкой прожил не короткую жизнь. Он скончался в январе 1750 года в возрасте 82 лет. Иван Юрьевич был, кстати, последним, кто имел высший в допетровской России чин боярина, полученный им в 1692 году.

И вновь злопамятные шведы наказали Ивана Бутурлина строже других. На месяц он был безысходно заключен в подземную камеру, где имелось лишь оконце в двери, через которое пленнику подавали пищу и воду. Затем шведы поместили всех «нарвских» генералов на гостиный двор, где им выделили отдельные небольшие дома, находившиеся, однако, под строгой охраной⁸⁵³. Наконец в 1710 году Иван Иванович был обменен — первым из пленных российских генералов — на шведского генерал-майора Юхана Мейерфельда (Johan August Meijerfeldt).

По возвращении в Отечество карьера Ивана Бутурлина возобновилась вполне успешно. В марте 1711 года, после начала Русско-турецкой войны, он получил под командование войсковую группировку, сосредоточенную у крепости Каменный Затон и предназначенную для прикрытия Правобережной Украины от набегов турок и крымских татар, с предписанием «обороняться по самой крайней возможности»⁸⁵⁴. В последующее пятилетие боевая служба Ивана Ивановича проходила на высших командных должностях на балтийском театре военных действий.

Далее в строевой службе И. И. Бутурлина наступил перерыв, связанный с тем, что в октябре 1716-го — сентябре 1717 года в составе небольшой свиты он сопровождал Петра I в поездке по Голландии и Франции. Примечательно, что будущий император и его сопровождающие были настолько скромно одеты, что во Франции им пришлось заняться приведением гардероба в более приличный вид. В частности, для Ивана Бутурлина в Париже была заимобразно выделена сумма казенной валюты для приобретения золотой парчи на камзол, золотых нитей для верхней одежды, зубочистки и золотого набалдашника к трости⁸⁵⁵.

Из иных подробностей отмеченной поездки Ивана Ивановича известно, что в мае 1717 года он присутствовал при встрече царя с малолетним французским королем Людовиком XV, а 19 июня сопровождал Петра I при посещении судебного заседания в Парижском парламенте* (Parlement de Paris)⁸⁵⁶. В ходе этого заседания высокие российские гости выслушали речь замещавшего генерал-прокурора генерал-адвоката Г. Ламуаньона, который выступил с прокурорским заключением по существу рассматривавшегося дела.

Затруднительно сказать, какие впечатления остались у И. И. Бутурлина от визита в парижский Дворец правосудия

* Высшая судебная инстанция Франции в XV—XVIII веках.

(Palace de Justice), но по возвращении в Россию он сам оказался привлечен к следственной и судебной деятельности. Поводом для очередного отвлечения Ивана Бутурлина от строевых обязанностей явилось уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича.

Следствие по делу Алексея Петровича, обвиненного в организации заговора против Петра I, началось сразу после публичного отречения царевича от престола, состоявшегося в Московском кремле 3 февраля 1718 года. Как уже упоминалось, для производства расследования по делу бывшего наследника была учреждена особая следственная канцелярия под руководством тайного советника П. А. Толстого, по организации и полномочиям весьма сходная с уже существовавшими «майорскими» канцеляриями, в производстве которых находились, правда, почти исключительно уголовные дела о преступлениях коррупционной направленности.

Первоначально следствие велось в Москве, точнее — в подмосковной резиденции Петра I селе Преображенском, а затем переместилось в Санкт-Петербург, куда царь выехал 18 марта 1718 года. В связи с этим в конце марта Петр I распорядился перевезти материалы уголовного дела в новую столицу, предписав передать их И. И. Бутурлину⁸⁵⁷. Тем самым Иван Иванович оказался привлечен к производству следствия по делу опального царевича.

Функционирование следственной канцелярии П. А. Толстого продлилось, впрочем, недолго. Уже в апреле — мае 1718 года канцелярия была преобразована в Канцелярию тайных розыскных дел (Тайную канцелярию) — специализированный суд по государственным преступлениям. Во главе канцелярии остался по-прежнему Петр Толстой, а судьями (звучно наименованными почему-то «министрами») стали гвардии майоры И. И. Бутурлин, А. И. Ушаков и Г. Г. Скорняков-Писарев.

Затруднительно точно сказать, отчего Петр I решил привлечь Ивана Бутурлина сначала к расследованию дела бывшего наследника престола, а затем к деятельности суда по государственным преступлениям. По всей вероятности, решение включить Ивана Ивановича в состав следователей по делу Алексея Петровича царь принял в связи с тем, что одним из фигурантов оказался прежний командир Преображенского полка и глава одной из следственных канцелярий генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков. В этих ус-

ловиях главе государства необходимо было иметь в числе следователей, а затем и судей Тайной канцелярии военного деятеля, имевшего значительный авторитет среди гвардейцев, что должно было укрепить их лояльность верховной власти*.

На смертном приговоре бывшему наследнику престола⁸⁵⁸ подпись «генерал-поручик Иван Бутурлин» стоит 12-й по счету, выше подписей части сенаторов.

Привести в исполнение приговор, однако, не успели. 26 июня 1718 года содержащийся под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Алексей Петрович скончался**. Уже после его смерти и похорон И. И. Бутурлину довелось выполнять поручения по распределению оставшихся от царевича вещей.

В частности, по указу Петра I от 3 ноября 1718 года именно он передал «девке Афросинье» (Ефросинье Федоровой, бывшей сожительнице Алексея Петровича) хранившиеся среди имущества покойного ее личные вещи: от бархатной шапки, отороченной соболем, до туфель «с позументом серебряным»⁸⁵⁹. Учítывая, что Ефросинья дала на следствии множество показаний, изобличавших царевича, подобное возвращение имущества было одной из форм ее вознаграждения.

Участие И. И. Бутурлина в расследовании дела Алексея Петровича было высоко оценено главой государства: 9 декабря 1718 года он был произведен в гвардии подполковники⁸⁶⁰, что означало также назначение его командиром Преображенского полка. Очень скоро укрепилось и благосостояние Ивана Бутурлина.

* Хотя из числа строевых офицеров гвардии в деле царевича помимо князя Василия Долгорукова оказался замешан только капитан Преображенского полка С. Г. Нарышкин.

** До настоящего времени упорно бытует версия, что Алексей Петрович не умер своей смертью, а был тайно казнен по приказу Петра I. Исполнителями казни считаются П. А. Толстой, А. И. Румянцев, А. И. Ушаков и И. И. Бутурлин. Данная версия восходит к письму А. И. Румянцева некоему Д. И. Титову от 27 июля 1718 года, являющемуся, как давно установлено, подделкой, сфабрикованной в первой половине XIX века. В действительности смерть царевича наступила естественным путем — вследствие пыток, которым он интенсивно подвергался в июне 1718 года. Достаточно сказать, что только накануне суда, с 19 по 24 июня, его пытали шесть (!) раз. Последний раз Алексея Петровича (уже осужденного!) истязали 26 июня, за семь часов до наступления смерти. И. И. Бутурлин присутствовал по меньшей мере на пяти из отмеченных допросов.

11 января 1719 года Петр I пожаловал И. И. Бутурлину часть земельных владений, конфискованных у лиц, осужденных по делу Алексея Петровича. Иван Иванович получил 159 крестьянских дворов из имущества сибирского царевича Василия Алексеевича и 660 дворов из имущества своего многолетнего сослуживца князя В. В. Долгорукова⁸⁶¹.

Основными занятиями судей-«министров» Тайной канцелярии были допросы обвиняемых и свидетелей, вынесение приговоров, ознакомление с разнообразными выписками («экстрактами»)* из уголовных дел. Нередко в присутствии «министров» проводились очные ставки. Судебно-следственные процедуры осуществлялись в разном составе: коллегиально (в различном составе судей) или — реже — единолично. Известно, например, что в 1719 году Иван Бутурлин единолично провел судебное следствие и вынес приговор по делу о ложном доносе по государственному преступлению⁸⁶².

В отличие от офицеров-преображенцев А. И. Ушакова и Г. Г. Скорнякова-Писарева гвардии подполковник Иван Бутурлин явно тяготился судебно-следственными занятиями в Тайной канцелярии и являлся наиболее пассивным из числа ее «министров». Впрочем, самоустранение И. И. Бутурлина от деятельности Тайной канцелярии отчасти было вызвано и объективными причинами.

Во-первых, с 1718 года И. И. Бутурлин в полной мере вернулся к строевым обязанностям, приняв на себя командование Преображенским полком. Во-вторых, возобновилась и его боевая служба: он явился участником кампаний Великой Северной войны 1718—1719 годов на хорошо известном ему балтийском театре военных действий. В-третьих, с 1720 года он руководил собственной следственной канцелярией.

Победоносное завершение Великой Северной войны ознаменовалось для Ивана Бутурлина долгожданным повышением в чине: 22 октября 1721 года, в день официального празднования победы над Швецией, он был произведен в полные генералы (генерал-аншефы)⁸⁶³. Тогда же завершилась и его боевая служба: в предпринятом в 1722 году под командованием Петра I знаменитом Персидском походе он уже не участвовал.

* Специально подготовленными извлечениями из материалов уголовных дел.

Что касается следственной канцелярии И. И. Бутурлина, то она была учреждена по именному указу от 3 декабря 1720 года⁸⁶⁴. В производство канцелярии поступило единственное, но резонансное уголовное дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во взятках и хищении казенных средств на сумму в 140 тысяч 665 рублей. Дело это было воистину многострадальным.

Это уголовное дело было возбуждено московским фискалом М. А. Косым еще в 1714 году и первоначально рассматривалось в следственной канцелярии В. В. Долгокурова. Затем по именному указу от 13 марта 1716 года было временно перенесено в следственную канцелярию Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова и окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 года⁸⁶⁵. В апреле 1719 года произошла очередная смена следователей: вместо Герасима Кошелева главой канцелярии стал гвардии майор М. А. Матюшкин.

Когда же против последнего, как уже говорилось, выступили ассессоры канцелярии гвардии поручик В. И. Иванов и гвардии подпоручик В. Г. Языков, между иного обвинив его в свертывании расследования по делу Петра Власова (которого они именовали племянником гвардии майора) и Петра Скурихина, Петр I встал на сторону главы следственной канцелярии, но отчасти все же принял во внимание информацию, сообщенную ассессорами-правдоискателями. Судя по всему, именно поэтому он и решил передать данное уголовное дело в производство иному органу следствия, учредив специально для этого канцелярию ведения Ивана Бутурлина.

Поскольку основной массив документов по делу П. И. Власова и П. К. Скурихина, по всей вероятности, оказался утрачен, полную картину расследования воссоздать уже нереально. Вместе с тем некоторые сохранившиеся архивные материалы все же позволяют фрагментарно представить деятельность вверенной И. И. Бутурлину следственной канцелярии.

Бывший комиссар Санкт-Петербургской губернской канцелярии стольник Петр Власов и состоявший при нем дьяк Петр Скурихин являлись прожженными дельцами, имевшими более чем серьезные неформальные связи в столичных коридорах власти. Достаточно сказать, что когда встал вопрос о разрешении П. К. Скурихину кратковременно выехать из Санкт-Петербурга в Москву (дьяк находился тогда под подпиской о невыезде), то требуемое в этих слу-

чаях поручительство («поручную запись») за него 4 февраля 1716 года подписали шесть человек, среди которых были глава секретариата генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова Алексей Волков, управляющий гигантским хозяйством «полудержавного властелина» Ф. А. Соловьев, родной брат царского секретаря (!) А. В. Макарова дьяк Кузьма Макаров да еще влиятельный дьяк С. Г. Киреев⁸⁶⁶. Комментарии здесь, что называется, излишни.

В подобной ситуации не приходится удивляться, что подследственные Власов и Скурихин не торопились исполнять, например, постановление канцелярии В. В. Долгорукова от 20 декабря 1715 года о незамедлительном взыскании с них сумм, полученных в качестве взяток с подрядчиков⁸⁶⁷, о которых они уже дали признательные показания*. Следующее постановление о взыскании означенных сумм было вынесено канцелярией И. И. Бутурлина 21 октября 1721 года⁸⁶⁸. Завершилась же эта история тем, что в 1722 году канцелярия И. И. Бутурлина развернула бурную деятельность по взысканию денег с... должников Петра Скурихина.

Никак не получилось у грозных следователей-гвардейцев за семь (!) лет «вытрясти» полученные преступным путем средства с двух чиновников среднего звена. За одного из которых, правда, ручался брат царского секретаря.

Насколько возможно понять, деятельность следственной канцелярии И. И. Бутурлина несколько активизировалась в 1723 году: были проведены допросы подследственных и очная ставка между ними. В результате Петр Власов принес новую повинную, признав, что получал взятки от подрядчиков, «чтоб других подрядчиков к тем подрядом не допустить», и что действовал в сговоре с П. К. Скурихиным. «И в том себя он, Власов, утвердил»⁸⁶⁹.

Петр Скурихин, успевший к тому времени стать секретарем Главного комиссариата, отвечавшего за снабжение армии продовольствием и амуницией, не стал сотрудничать со следствием и не признал преступного сговора десятилетней давности с бывшим начальником. Пока следственная канцелярия решала, что с ним делать, Петр Скурихин отошел в мир иной.

И вот тогда И. И. Бутурлин вдруг спохватился, что Петра Скурихина необходимо было бы пытать: «Ежели б он,

* П. И. Власов сознался в получении 5000 рублей, П. К. Скурихин — 1959 рублей.

Скурихин жив был, надлежало в том иметь им розыск»⁸⁷⁰. В итоге, обобщив результаты следствия, Иван Иванович доложил их главе государства, изложив ситуацию с не вовремя умершим П. К. Скурихиным. Реакция государя была весьма суровой.

15 апреля 1724 года император Петр Великий указал: «Помянутого умершего дьяка Петра Скурихина тело ево повесить на железной чепи за Москвою рекою на Болоте, для того что он... покрывая свое воровство, по многому следованию... заперся и до смерти своей не извинился и повинной в том не принес»⁸⁷¹. Этим же указом было конфисковано имущество покойного, много лет находившееся под обеспечительным арестом.

О втором подследственном в указе было сказано туманно: «А о Власове по тем делам, чего не исследовано, следовать, где то дело будет»⁸⁷². Иными словами, дело по обвинению П. И. Власова изымалось из производства следственной канцелярии И. И. Бутурлина, но куда оно передавалось, в указе не уточнялось. Уголовное дело бывшего комиссара «висело в воздухе» почти год. Лишь 8 февраля 1725 года Правительствующий сенат распорядился передать дело в Главную Фискальскую канцелярию⁸⁷³.

Завершилась история тем, что в августе 1725 года формально еще подследственный Петр Власов был назначен в дальнюю посылку — вторым комиссаром на разграничение земель с Китаем*. Выехав из Санкт-Петербурга 21 сентября, он в дороге серьезно занемог и 13 января 1726 года скончался в Москве⁸⁷⁴. Уголовное преследование Петра Ивановича Власова было прекращено еще при его жизни согласно сенатскому указу от 29 сентября 1725 года⁸⁷⁵.

Следственная канцелярия И. И. Бутурлина в 1724 году подверглась упразднению, что явилось вполне логичным решением императора.

В последний раз судебские обязанности Ивану Бутурлину довелось исполнять в качестве судьи Вышнего суда. По воле судьбы одним из первых в числе подсудимых Вышнего суда оказался недавний «министр» Тайной канцелярии, ставший затем обер-прокурором Сената, генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев. 13 февраля 1723 года судья

* Назначение это не означало завуалированную ссылку. Дело в том, что П. И. Власов начинал службу в Сибири, а его отец стольник Иван Евстафьевич являлся вторым послом при заключении в 1689 году Нерчинского договора с Китаем.

Иван Бутурлин скрепил подписью приговор, осудивший Григория Скорнякова-Писарева к конфискации имущества и разжалованию в рядовые⁸⁷⁶. В составе суда И. И. Бутурлин проработал до его ликвидации в 1726 году.

В последние дни января 1725 года, сразу после кончины Петра I, И. И. Бутурлину довелось поучаствовать в «большой политике», приняв активное участие в разрешении династического кризиса, вызванного тем, что первый российский император не успел назначить преемника⁸⁷⁷. Поддержав придворную группировку во главе с «полудержавным властелином» генерал-фельдмаршалом А. Д. Меншиковым, Иван Иванович немало поспособствовал возведению на престол Екатерины Алексеевны, вдовы ушедшего из жизни императора (сам он, вероятнее всего, готовился передать престол старшей дочери Анне).

Новоявленная императрица Екатерина I по достоинству оценила заслуги Ивана Бутурлина. Не случайно, как уже было отмечено, на похоронах Петра I именно ему было доверено нести в траурной процессии корону Российской империи. 21 мая 1725 года И. И. Бутурлин был пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного, а 30 августа — вновь учрежденного ордена Святого Александра-Невского⁸⁷⁸.

8 февраля 1726 года Иван Иванович был назначен к присутствию в Правительствующем сенате⁸⁷⁹. Это была высшая точка карьеры бывшего пленника шведского короля, открывавшая ему перспективы достойной и почетной старости. Однако далее Ивана Бутурлина подстерегало жизненное крушение.

Когда весной 1727 года Екатерина I тяжело заболела, остро встал вопрос о том, кому наследовать престол. Наиболее вероятными кандидатурами были внебрачные по рождению дочери Петра и Екатерины Анна (1708 года рождения) и Елизавета (родилась в 1709 году), а также великий князь Петр Алексеевич (1715 года рождения) — сын запятанного в 1718 году царевича Алексея.

Как уже говорилось, в подобной династической комбинации почти все те, кто был непосредственно причастен к расследованию дела царевича Алексея, в том числе и И. И. Бутурлин, не могли не выступить сторонниками воцарения одной из дочерей Петра I. Иную позицию занял ставший к тому времени вторым лицом в государстве А. Д. Меншиков, сумевший договориться о помолвке две-

надцатилетнего великого князя Петра Алексеевича со своей старшей дочерью Марией.

Воспользовавшись свободным доступом к Екатерине I, Александр Меншиков добился сформирования 28 апреля 1727 года особой следственной комиссии, по итогам трехдневной работы которой группа бывших приближенных Петра I была обвинена в заговоре и предана очередному специальному судебному присутствию — Учрежденному суду. Центральными фигурами процесса стали первый генерал-полициймейстер Санкт-Петербурга сенатор граф А. Э. Девиер, граф П. А. Толстой и все бывшие «министры» Тайной канцелярии — И. И. Бутурлин, Г. Г. Скорняков-Писарев и А. И. Ушаков. Так Иван Иванович Бутурлин впервые в жизни оказался в статусе подсудимого, а затем и подсудимого.

Расплата для «заговорщиков», преступление которых состояло в нескольких разговорах в узком кругу о нежелательности прихода к власти великого князя Петра, оказалась жестокой. 6 мая 1727 года Учрежденный суд приговорил Антона Девиера и Петра Толстого к смертной казни. В качестве дополнительных санкций осужденным назначались конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов. Иван Бутурлин был приговорен к лишению чинов, орденов, пожалованных земель и к ссылке в свои деревни.

В тот же день Екатерина I утвердила приговор, и в тот же день Иван Иванович Бутурлин был исключен из списков Преображенского полка⁸⁸⁰. А. Э. Девиеру и П. А. Толстому смертная казнь заменялась на пожизненную ссылку, а И. И. Бутурлин освобождался от конфискации пожалованных земель⁸⁸¹.

Остаток жизни Иван Иванович провел в небольшом родовом имении Крутцы Переславль-Залесской провинции. Об этом периоде жизни опального генерала известно лишь, что его вроде бы посещала в Крутцах цесаревна Елизавета Петровна, вотчиной которой являлась расположенная поблизости Александрова слобода*, в которой она часто и подолгу бывала⁸⁸². Однако дожидаться воцарения Елизаветы Петровны Ивану Бутурлину было не суждено.

31 декабря 1738 года И. И. Бутурлин скончался в своем родовом имении. Погребли его в подклете под алта-

* Ныне город Александров, административный центр одноименного района Владимирской области.

рем Троицкого собора Успенского женского монастыря в Александровой слободе. Его могила сохранилась донныне и, спустившись в расположенную в подклете усыпальницу, можно разобрать надгробную надпись:

«Лета 7170 июня 21 числа родися раб Божий Иоанн Иоаннович Бутурлин, тезоименитство его того ж июля 24 числа. А преставися лета 7247, а от Рождества Христова 1738 декабря 31 числа в нощи, то было преподобныя Мелании Римленины на день светаго Василия Великаго в Переславской своей вотчине в селе Успенском Крутец то [ж] (?). Погребен 7247, от Рождества Христова 1739 году генваря 6 числа в Александровой слабаде в Успенском девиче монастыре под сею надписью. А жития его была от рождения и да преставления 77 лет 6 месяцев и десеть дней».

Там же в подклете нашли упокоение супруга И. И. Бутурлина — Марфа Тимофеевна, урожденная Савёлова, один из его сыновей — Аркадий Иванович (1699—1775), действительный камергер, а также внучка — девица Анастасия Аркадьевна (1733—1807), дочь Аркадия Ивановича. Кроме того, у Ивана Ивановича были сыновья Николай (умер в 1761 году) и Сергей, а также дочь Анна, вышедшая замуж за С. А. Головина. К середине XIX века потомство Ивана Ивановича по мужской линии угасло⁸⁸³.